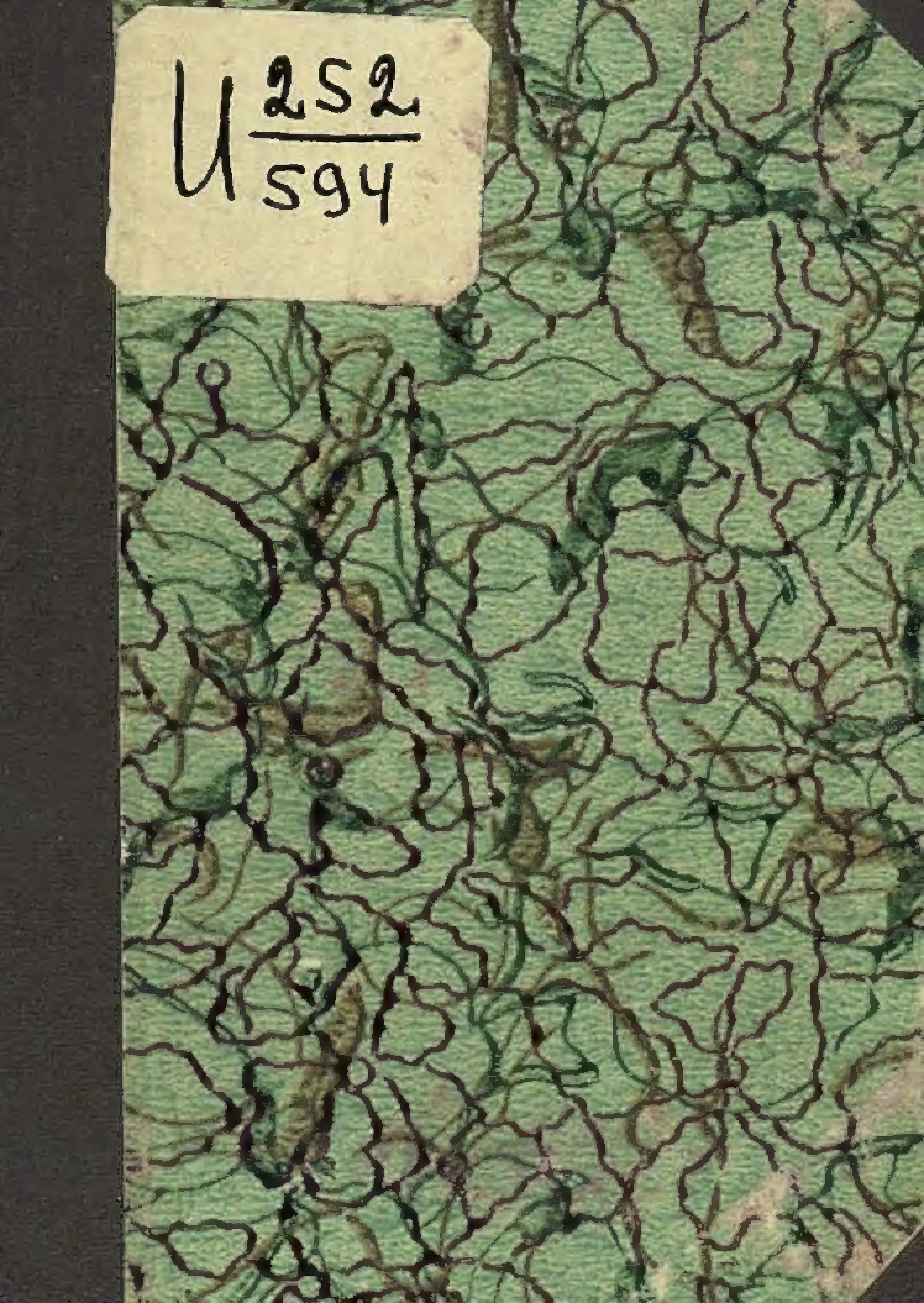

СТАТЬИ О РОССІИ Г. ЛЕРУА-БОЛЬЕ И Г. РАМБО, И ОТЗЫВЪ О НИХЪ *С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.*

—

Заграницей начинаютъ видно заниматься нами; прошло уже то время когда на Западѣ говорилось о Россіи какъ о государствѣ не входящемъ въ составъ европейскихъ державъ. Нами интересуются, насъ изучаютъ. Въ послѣдніе пять мѣсяцевъ появились въ *Revue des deux Mondes* нѣсколько замѣчательныхъ статей о Россіи. Упрекая иностранцевъ въ невѣжествѣ относительно всего русскаго, мы забываемъ до какой степени намъ легко, при средствахъ которыми мы обладаемъ, изучать Западъ, и до какой степени народамъ Запада трудно изучать насъ. Когда мы за границей, мы болѣе или менѣе дома; когда иностранецъ является къ намъ, онъ можетъ сказать точно также, пока находится въ образованныхъ слояхъ общества, что ему ничто не чуждо; въ нашихъ гостиныхъ онъ находитъ не

русскій языкъ, не русскіе нравы, не русскій костюмъ. Но вздумается ли ему посмотрѣть настоящую Россію, заглянуть въ народную жизнь, все становится для него темно, все непонятно, языкъ, нравы, обычаи. Какъ приступиться къ этому чуждому міру? Съ чего начать? Необходимо заняться прежде всего изученіемъ языка. Но что̀ преградъ, что̀ затрудненій! Ни одинъ изъ романскихъ или тевтонскихъ языковъ не облегчаетъ изученія самобытнаго языка русскаго, и приходится вступить въ лабиринтъ безъ руководящей нити. Наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и усиленной работы, первый шагъ сдѣланъ; неофитъ овладѣлъ нашею грамматикой и принимается за исторію. Но тутъ его встрѣчаютъ новыя преграды на каждомъ шагу, для него потерянъ смыслъ всѣхъ элементовъ подъ вліяніемъ которыхъ созрѣла и била ключомъ русская жизнь. Изученіе языка оказывается недостаточнымъ для объясненія характера нашей миѳологіи, нашихъ обычаевъ и преданій, а безъ нихъ исторія не что иное какъ мертвая буква, и иностранцу приходится приступать къ новому изученію, къ изученію цѣлаго отдѣльнаго міра, о

которомъ исторія Запада не могла дать ему ни малѣйшаго понятія. Слава и честь иноплеменнику котораго не запугалъ подобный трудъ, и который умѣлъ силой воли и усидчивостью бороться противъ затрудненій и одолѣть преграды.

Подобный подвигъ совершили въ недавнее время два французскіе писателя, г. Анатоль Леруа Больё и г. Альфредъ Рамбо. Начинаемъ съ перваго.

Свой трудъ онъ озаглавилъ: *La Russie et les Russes.* Г. Леруа Больё смотритъ на исторію не поверхностно. Онъ знаетъ какую важную роль играютъ въ развитіи народа его смѣшеніе съ другими племенами, условія почвы и климата, и въ историческихъ событіяхъ онъ видитъ непрерывную цѣль, къ которой каждое поколѣніе прибавляетъ свое звено. Онъ говоритъ о молодой Россіи, о новыхъ элементахъ внесенныхъ въ русскую жизнь, и прибавляетъ:

Заключимъ ли мы изъ этого что предъ новою Россіей можно забыть прошлое? Далеко нѣтъ. Развѣ прошлое пробивается сквозь настоящее. Всѣ постановленія Россіи, всѣ особенности ея характера, все что отличаетъ ее отъ Запада, пустило глубокіе корни, которые необходимо изслѣдовать; иначе не бу-

детъ возможно разрѣшить предстоящихъ затрудненій. Настоящее положеніе Россіи истекаетъ изъ ея прошлаго, и одно не понятно безъ другаго.

И авторъ начинаетъ съ изложенія географическихъ и климатическихъ условій края, потомъ переходитъ къ племеннымъ. Статьи его написаны бойко и живо, и въ нихъ встрѣчаются не рѣдко лирическія страницы. Приводимъ здѣсь небольшой отрывокъ передающій впечатлѣнія которыя русская зима произвела на жителя юга.

Изъ временъ года зима самое продолжительное, самое оригинальное, и даже въ своей однообразности самое картинное и прекрасное. Она облекаетъ эту блѣдную природу въ сіяющую одежду невѣсты; снѣгъ самый ослѣпительный изъ всѣхъ нарядовъ, и его однообразная бѣлизна не совершенно лишена тѣней и оттѣнковъ. Все исчезаетъ подъ снѣгомъ,—земля, море и озера, рѣки, дороги и поля; но въ этомъ безграничномъ единствѣ природа пріемлетъ величіе котораго не могло ей придать скудное разнообразіе весны и лѣта. Подъ этимъ гладкимъ покровомъ остаются доступны взору лишь впадины и выпуклости, нагнетенія и угловатости почвы; но солнце придаетъ этой одноцвѣтной картинѣ самое ослѣпительное сіяніе, а луна или ночь самые нѣжные и деликатные оттѣнки. При солнечныхъ лучахъ

освѣщающихъ часто прекрасные зимніе дни, глазъ выносить съ трудомъ ровный и постоянный блескъ полей; и потому въ Россіи, гдѣ снѣгъ покрываетъ землю пять или шесть мѣсяцевъ въ году, столько же глазныхъ болѣзней и слѣпыхъ какъ и въ южныхъ краяхъ. Но эта одинаковая бѣлизна не единственный видъ снѣга. Часто солнечные лучи, соединяясь въ какой-то призмѣ, придаютъ ему всѣ цвѣта радуги. Надо искать преимущественно въ лѣсахъ красоту зимы. Иней одѣваетъ березу и осину въ серебряный нарядъ гдѣ больше красоты и блеска нежели въ ихъ листьяхъ, а между тѣмъ на голубыхъ переливахъ бѣлаго снѣжнаго фона темныя чащи елей и сосенъ принимаютъ теплые бархатные оттѣнки, придающіе имъ почти черный цвѣтъ. Ночью въ этихъ картинахъ таится торжественная величавость. При лунномъ свѣтѣ эти холодныя бѣловатыя равнины походятъ своею блѣдностью на тѣ жилища гдѣ, по словамъ католическихъ поэтовъ, обитаютъ души младенцевъ. Снѣгъ блеститъ на деревьяхъ и на монументахъ фантастическими оттѣнками, и вѣнчаетъ куполы петербургскихъ и московскихъ церквей таинственнымъ сіяніемъ.

Г. Леруа Больё приступилъ добросовѣстно къ своему труду, безъ принятой впередъ мысли, безъ старыхъ предразсудковъ, безъ предубѣжденія; приступилъ къ нему какъ къ вопросу совершенно новому, и для трезваго ума, не

отуманеннаго ложными теоріями, стали ясны не только яркія краски, но даже многіе оттѣнки русскаго характера и русской жизни. Отъ него не ускользнули слабыя стороны, и онъ отдалъ полную справедливость всѣмъ сторонамъ уважительнымъ. Онъ не говоритъ о Россіи какъ о сплошной массѣ, и смотритъ съ различной точки зрѣнія на жителя юга и на жителя сѣвера. Въ Великороссѣ его поразилъ пассивный стоицизмъ и безсознательный героизмъ въ которомъ авторъ видитъ плодъ постоянной борьбы человѣка противъ климата и суровости природы. „Никто, говоритъ онъ, не умѣетъ страдать какъ Русскій, ни умирать какъ онъ. Въ своемъ спокойномъ мужествѣ предъ страданіемъ и смертью онъ напоминаетъ безропотность раненаго звѣря или плѣннаго Индійца, но она озарена чистотой религіознаго вѣрованія."

Онъ разказываетъ какъ ему случилось въ Палестинѣ видѣть въ первый разъ русскихъ паломниковъ. Они провели цѣлую мартовскую ночь подъ бурей и холоднымъ дождемъ, и когда проглянулъ день, бѣдняки взяли свои посохи и побрели къ Виѳлеему. Они были большею частью преклонныхъ лѣтъ;

эта суровая ночь, утомленіе долгаго пути, голодъ, лишенія всякаго рода подѣйствовали на нихъ разрушительно. Когда они чувствовали что дошли до послѣдняго истощенія силъ, то ложились молча на дорогу и умирали. Караванъ къ которому принадлежалъ г. Леруа-Больё шелъ также въ Виѳлеемъ. Онъ разказываетъ:

Мы ѣхали слѣдомъ за ними верхомъ, иззябшіе и усталые, съ надеждой найти убѣжище въ латинскомъ Виѳлеемскомъ монастырѣ, и такимъ образомъ мы настигли двухъ крестьянъ лежавшихъ на тропинкѣ преобразившейся въ ручей. Напрасно пытались мы ихъ поднять, возвратить имъ немного силы крѣпкимъ напиткомъ и посадить ихъ на лошадей; казалось они желали только смерти. Доѣхавъ до Виѳлеема, мы послали за ними; въ это же самое утро уже похоронили двухъ русскихъ женщинъ и мущину, которые были найдены мертвые на сосѣднихъ дорогахъ. Съ тѣмъ же самымъ чувствомъ, съ тѣмъ же кроткимъ и тихимъ фанатизмомъ во время Крымской войны русскіе солдаты шли вдоль южныхъ степей, шли до изнеможенія и умирали тысячами на пути, безъ мятежнаго крика, безъ жалобы, безъ ропота.

Г. Леруа-Больё замѣчаетъ что ни одинъ край въ мірѣ, ни одинъ народъ въ исторіи не прошелъ въ продолженіе

одного или двухъ столѣтій черезъ столько измѣненій какъ Россія, ни одинъ не видалъ ихъ столько въ продолженіе нѣскольких лѣтъ. Реформы настоящаго царствованія такъ многочисленны что трудно самому внимательному наблюдателю слѣдить за ними, и дѣйствіе ихъ такъ еще ново, до такой степени стоитъ еще на ряду спорныхъ пунктовъ, что опредѣлить ихъ послѣдствія не легкая теперь задача.

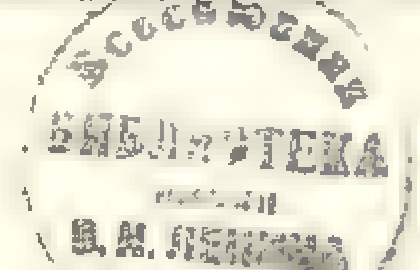
Мы шли дѣйствительно съ неимовѣрною быстротой по пути проложенному намъ Петровскою реформой; и эта реформа придала намъ двойственный характеръ поразившій автора разбираемой нами статьи. Изъ-подъ свѣжаго слоя европейской образованности, вездѣ пробиваются корни тысячелѣтней Россіи. Новая почва на которую мы стали не окрѣлла еще подъ нашими ногами когда мы были призваны, силой историческихъ событій, играть значительную роль среди европейскихъ державъ, и это исключительное положеніе вызываетъ у г. Леруа-Больё слѣдующее остроумное сравненіе: „Она (Россія), говоритъ онъ, походитъ на актера вышедшаго на сцену пока онъ не успѣлъ еще изучить свою роль; на человѣка

не завершившаго своего воспитанія въ дѣтствѣ, и принужденнаго докончить его среди трудовъ и борьбы зрѣлыхъ лѣтъ."

Видно по всему тону статьи что изъ европейскихъ державъ авторъ предвидитъ будущность для одной только нашей родины. Онъ говоритъ:

Россія еще слагается въ нравственномъ, какъ и въ матеріальномъ смыслѣ. Въ томъ и другомъ было бы несправедливо сравнивать ее съ державами Западной Европы. Относительно ихъ она находится въ положеніи арміи которая готова сформироваться, но еще въ разбродѣ и стоитъ противъ другой, которая уже наполнила свои кадры и собрала корпуса. Она можетъ быть слаба теперь сравнительно съ народами которые черезъ одно или два столѣтія будутъ не въ силахъ бороться противъ нея. Вспомнимъ о Крымскомъ походѣ. Съ тѣхъ поръ она ушла далеко впередъ, и врядъ ли удалось бы теперь предпріятіе подобное взятію Севастополя. Никакой народъ не извлекъ столько пользы изъ неудачной войны; однако до сихъ поръ еще силы Россіи не соотвѣтствуютъ ни ея объему, ни населенію. Русскіе хорошо это знаютъ, но они знаютъ также что время и трудъ поставятъ скоро ихъ дѣйствительное могущество въ уровень съ естественными ихъ средствами и съ объемомъ ихъ территоріи.

Этою выпиской мы заключимъ крат-

кій нашъ обзоръ труда г. Леруа-Больё и взглянемъ на статьи г. Рамбо.

Г. Рамбо пріѣхалъ въ Россію съ основательнымъ знаніемъ нашего языка, и посвятилъ первую свою статью нашимъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ; авторъ осмотрѣлъ ихъ и собралъ самыя подробныя свѣдѣнія о ихъ основаніи. Изъ Петербурга онъ явился въ Москву которая поразила его своею оригинальностью. Хотя Москва теряетъ съ каждымъ днемъ свой характеръ, она удержала еще настолько самобытности чтобъ остановить вниманіе иностранцевъ. Свою статью г. Рамбо начинаетъ съ поэтическаго описанія, которое мы приводимъ здѣсь. Можетъ-быть русскимъ читателямъ любопытно будетъ видѣть какое впечатлѣніе наша древняя столица произвела на иностранца.

„Когда обозрѣваешь съ Кремлевской набережной или съ Ивановской колокольни московскую панораму, вѣришь съ трудомъ разказамъ историковъ о великомъ пожарѣ 1812 года. Возможно ли вообразить чтобъ эти сотни церквей, краса святой матушки Москвы, были не созданіемъ вѣковъ?.. Въ какомъ они кажутся намъ отдаленіи эти страшные дни когда пламя великаго города освѣщало на тридцать лье кругомъ русскія деревни, т.-е. пространство между Парижемъ

и Орлеаномъ, и руководило ночью, какъ зловѣщій метеоръ, движеніемъ русскихъ и французскихъ армій! Три пятыхъ домовъ и половина храмовъ были уничтожены. Однако въ какую сторону ни обернешься теперь можно обнять мгновеніемъ ока сто, двѣсти церквей, бездну колоколенъ, цѣлый млечный путь куполовъ. Живописецъ, который со своимъ полотномъ предъ глазами, могъ бы нѣсколькими чертами кисти изобразить шпиль или куполъ, опустилъ бы руки отъ утомленія прежде нежели удалось бы ему передать подобную картину. Дѣйствительность богаче самой фантазіи. Московскіе крестьяне и мѣщане *раскрасили* свою столицу, и посредствомъ камня, кирпича и золота соорудили то чего не померещилось бы воображенію сказочника Тысячи Одной Ночи. И какое разнообразіе въ этомъ безконечномъ множествѣ зданій! Тамъ церковь оканчивается шпилемъ подобно соборамъ береговъ Рейна; другая украсила себя колокольней, которая возвышаясь суживается словно арабскій минаретъ, или башней XVIII столѣтія походящею на колокольню Святаго Сульпиція. Иногда плоскій какъ щитъ куполъ напоминаетъ Святую Софію; иногда онъ округляется полу-сферой какъ куполъ Инвалидовъ, или суживается у основанія въ металлическую луковицу. Случается что куполы стоятъ отдѣльно одинъ отъ другаго, но большею частію они гнѣздятся другъ на другѣ какъ золотыя волны, и отъ одного креста до другаго

качаются серебряныя и мѣдныя цѣпи подобно ліанамъ. Иные изъ этихъ куполовъ сіяютъ блескомъ золота подъ солнечными лучами, другіе отличаются болѣе скромнымъ отливомъ серебра и жести, яркаго пурпура, изумрудно зеленаго цвѣта, или нѣжно голубаго, усѣяннаго золотыми звѣздами. Когда наступаетъ ночь и дома исчезаютъ въ сумеркахъ, послѣдніе лучи заходящаго солнца озаряютъ кресты всѣхъ этихъ храмовъ, и придаютъ имъ видъ Альпійскихъ ледяныхъ горъ; кресты какъ будто висятъ во мглѣ, подобно огненнымъ явленіямъ, и воспроизводятъ въ безчисленномъ множествѣ чудо *Labarum'a*. Вдали монастыри со своими бѣлыми стѣнами, которыя выдержали когда-то Татарскій приступъ, и высокими колокольнями, обвѣшанными колоколами, походятъ на крѣпости разсѣянныя вокругъ города.*

На каждомъ шагу г. Рамбо находитъ въ Кремлѣ воспоминанія 12 года. Вотъ храмъ Христа Спасителя замыкающій панораму; вотъ пушки отбитыя у непріятеля; вотъ крестъ сорванный по приказанію Наполеона съ Ивановской колокольни и возвращенный въ послѣдствіи на свое мѣсто, и наконецъ столько разказовъ, столько преданій о Французахъ. И всѣ эти живые слѣды ихъ пребыванія въ Москвѣ навели ихъ соотечественника на слѣдующій вопросъ: „Продолжая праздновать славную го-

довщину своего *избавленія*, сохранила ли Россія патріотическое озлобленіе одушевлявшее ее въ эту эпоху?“ Въ образованныхъ слояхъ общества онъ не замѣтилъ ничего походящаго на ненависть противъ Франціи, — но народъ? Въ немъ не вымираетъ память прошлаго, и если существуетъ еще между московскими жителями крестьянинъ пережившій непріятельское нашествіе „какое воспоминаніе сохранилъ онъ о страшной годинѣ?“ спрашиваетъ себя авторъ. „Какое чувство питаетъ онъ еще къ *безбожному Французу, безстыжему Голіаву*? Какіе образы шевелятся въ его старой головѣ когда съежась подъ овчиннымъ тулупомъ онъ припоминаетъ событія молодыхъ лѣтъ?“

Этого вопроса г. Рамбо разрѣшить не могъ и обратился къ одному изъ своихъ друзей, который указалъ ему на только что вышедшія въ нашей газетѣ „Воспоминанія очевидцевъ о 12мъ годѣ“. Французскій литераторъ пожелалъ ихъ прочесть, и прочитавъ перевелъ для своихъ соотечественниковъ. Отдѣльнымъ изданіемъ они еще не вышли, но внушили переводчику статью напечатанную въ *Revue des deux Mondes* подъ заглавіемъ: *La grande armée à Moscou.*

Тутъ мы находимъ болѣе тридцати отрывковъ изъ его переводовъ и должны сознаться что не признавали за Французами до сихъ поръ способности передать съ такимъ мастерствомъ произведенiе русской литературы. Лексиконъ могъ ему помогать, но предательское участiе лексикона въ его трудѣ нѣтъ возможности замѣтить. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ какой-то Французъ занявшiйся переводомъ пѣсни *Про Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова* передалъ такимъ образомъ стихъ:

„А что дѣтки мои любезныя
Чай, забѣгались, заигралися?

Mes petites enfants ont ils déjà pris leur thé?

Къ подобнымъ образцамъ иностранныхъ переводовъ мы такъ привыкли что не безъ предубѣжденiя приступили къ чтенiю статьи г. Рамбо, и рады что можемъ отдать полную справедливость его серiозному и добросовѣстному труду. Переводчикъ такъ вникъ въ смыслъ разказовъ очевидцевъ о 12мъ годѣ, его выводы такъ вѣрны, онъ такъ тщательно, такъ всесторонне изучилъ событiя патрiотической войны что блестящiй, живой разказъ его переноситъ читате-

ля въ стѣны пылающей Москвы, народная рѣчь переданная на иностранномъ языкѣ не утратила ни своей оригинальности, ни своего добродушія. Г. Рамбо не старался ее украсить: она наивна, отрывиста, а подчасъ безсвязна. Онъ умѣлъ даже сохранить въ своемъ переводѣ и смыслъ и характеръ народныхъ поговорокъ. Видно что онъ привязался къ своему труду: незлобивыя воспоминанія нешего народа „о добрыхъ ребятахъ“ Французахъ, которые „ихъ не обижали“, польстили національной гордости переводчика. Онъ останавливается съ любовью на фактахъ свидѣтельствующихъ о сердечной мягкости своихъ соотечественниковъ, но цѣнитъ вполнѣ добродушіе и мужество Русскаго народа, и упрекаетъ въ неправдѣ записки современниковъ утверждающихъ что у насъ обращались жестоко съ французскими плѣнниками. „Я не нахожу въ нашихъ разказахъ такихъ страшныхъ сценъ, говоритъ онъ, наоборотъ русскіе крестьяне приходятъ на помощь французскимъ плѣннымъ, утѣшаютъ ихъ, приносятъ имъ теплыя одежды и водку, и отказываются принимать отъ нихъ деньги. Въ особенности нахожу я въ этихъ разказахъ чувства трогательнаго состраданія къ этимъ несча-

стнымъ жертвамъ Наполеоновскаго тщеславія.“

Нѣкоторые примѣры мужества приводятъ его въ восхищеніе. „Московскій народъ“, говоритъ онъ,—

„показалъ въ этихъ тяжкихъ обстоятельства нравственныя качества способныя возбудить восторгъ. Бѣдные крестьяне, при извѣстіи что Русскіе разбиты, объявили что не останутся въ городѣ, который будетъ оскверненъ присутствіемъ непріятеля, и предавая пожару свой бѣдный кровъ, а грабительству свое скромное имущество, разбѣгались по большимъ дорогамъ, на вла:ть Божію, съ тѣмъ чтобъ идти куда глаза глядятъ. Другіе спасались отъ пламени уно я на плечахъ родителей и въ своей погибели испытали одно лишь чувство: полную покорность небесной волѣ. Поклоняются предъ старыми римскими сенаторами, которые, сидя на своихъ курульныхъ креслахъ, ожидали безтрепетно удара непріятелей: въ Москвѣ женщины простаго званія, торжественнымъ спокойствіемъ своей добровольной смерти, стали на ряду съ этими полубогами латинской аристократіи.“

Статья его полна интереса даже для русскихъ читателей, знакомыхъ съ „Разказами очевидцевъ о XII годѣ.“ Онъ не ограничился переводомъ: онъ ихъ комментировалъ и подвергъ историческому анализу.

Вслѣдъ за этою статьей, г. Рамбо напечалъ двѣ другія: *La légende de Pierre le grand* и *Les Tzarines de Moscou et la societé, russe à l'époque de la Renaissance.* Къ сожалѣнію, тѣсныя предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ подробнаго разбора ихъ, и мы принуждены ограничиться нѣсколькими словами. Начнемъ съ легенды.

Г. Рамбо перевелъ пѣсни о Петрѣ Великомъ, собранныя г. Кирѣевскимъ, и пополнилъ ихъ объясненіями и историческими свѣдѣніями въ пользу своихъ соотечественниковъ. Переводъ настолько хорошъ насколько можетъ допустить французскій языкъ при самобытности нашего. Но все что̀ зависѣло отъ таланта переводчика, то было сдѣлано. Онъ передавалъ что̀ понялъ вполнѣ, со всѣми оттѣнками мысли. Слѣдуетъ вообще переводить какъ переводитъ г. Рамбо, т.-е. сохранить по возможности оригинальность поэзіи, не придерживаясь раболѣпно буквальности выраженій.

Авторъ желалъ показать своимъ соотечественникамъ великое лицо Петра, какъ оно осталось въ народныхъ преданіяхъ, но онъ сознаетъ что этотъ образъ невѣренъ съ оригиналомъ. Народныя пѣсни и преданія имѣютъ свой вѣсъ для историка, но онъ не основываетъ

на нихъ своей оцѣнки событій и личностей. „Около того времени“, говоритъ г. Рамбо,—

„когда историкъ Карла XII предпринималъ по просьбѣ императрицы Елизаветы написать, по документамъ сообщеннымъ ея министрами, исторію Петра Великаго *самую краткую и самую полную*, другіе прославляли по своему дѣянія знаменитаго царя. Эти историки Петра были разсѣяны отъ границы до границы Русской державы. Грубый бурлакъ архангельскихъ лѣсовъ, северный степнякъ гордившійся тѣмъ что не зналъ никогда неволи, крѣпостной крестьянинъ изъ средней полосы Россіи, вольный казакъ, который искалъ „по матушкѣ по Волгѣ“ славы и добычи, разбойникъ пріютившійся за Днѣпровскими порогами, рас ространяли изъ пустыни въ пустыню, изъ села въ село, *изъ рѣки въ рѣку* исторію великаго царя, не походящую ни на ту, которую писалъ Вольтеръ, ни на извѣстные труды русскихъ писателей: Голикова, Устрялова и г. Соловьева. Великій Карлъ въ пѣсняхъ труверовъ не болѣе походитъ на историческаго Карла. Преобразователь Россіи также странно измѣненъ какъ и „густобородый императоръ“; ему приписываютъ такія же несбыточныя похожденія какъ испанская война или путешествіе въ Іерусалимъ.“

Итакъ, прямая цѣль г. Рамбо состояла въ томъ чтобъ ознакомить своихъ сотечественниковъ съ русскою пѣснью,

какъ онъ желаетъ ознакомить ихъ съ Россіей вообще. Надъ этою задачей онъ трудился добросовѣстно, и мы не могли прочесть безъ искренняго уваженія къ его дѣятельности послѣднюю въ особенности его статью: *Les Tzarines de Moscou*. Она извлечена изъ сочиненій г. Забѣлина. Понятно что мы ихъ читаемъ съ постояннымъ увлеченіемъ, какъ изслѣдованіе о всемъ что̀ намъ близко, о нашемъ прошломъ, о насъ самихъ; но иностранецъ читая ихъ долженъ, наоборотъ, отрѣшиться отъ всего ему близкаго, и не можетъ слѣдить за мыслію автора безъ сильнаго умственнаго напряженія.

Г. Рамбо начинаетъ съ живаго и бойкаго описанія нашихъ царскихъ теремовъ, потомъ переходитъ къ образу жизни, къ привычкамъ, къ обычаямъ ихъ жильцовъ. Русскому читателю его статья не скажетъ ничего новаго, а введетъ его въ знакомый міръ, гдѣ ничто не удивляетъ его взора, гдѣ все вѣрно, все на мѣстѣ, но Французовъ она ознакомитъ съ міромъ до тѣхъ поръ замкнутымъ для нихъ и совершенно имъ неизвѣстнымъ.

Не мы первые заговорили о трудахъ обоихъ французскихъ литераторовъ: *С.-Петербургскія Вѣдомости* обратили

уже на нихъ свое вниманіе.* Г. Больё они отдаютъ ту справедливость что „статья его имѣетъ достоинство сжатаго и притомъ очень добросовѣстнаго изложенія въ смыслѣ обстоятельности и послѣдовательности“. Но этотъ благосклонный отзывъ искупается другими замѣчаніями, и въ особенности тономъ рецензіи. Вопервыхъ, статья эта, написанная съ цѣлью ознакомить Французовъ съ Россіей, доказываетъ г. рецензенту что „не одинъ только русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ“. Потомъ когда рецензентъ долженъ признать въ авторѣ правильность взглядовъ, которая обнаруживаетъ мыслителя солиднаго и трезваго, онъ прибавляетъ: „если только эти взгляды не заимствованы у кого-нибудь другаго“. Мы видимъ также что по мнѣнію рецензента „страницы не *дѣлаютъ* особенно новаго вклада во французскую литературу о Россіи“, послѣ появленія громаднаго труда Шницлера. Что касается до насъ, мы полагаемъ наоборотъ что сочиненіе написанное популярно, перомъ блестящимъ и раздѣленное на журнальныя статьи, найдетъ гораздо больше читателей нежели „гро-

---

* № 252.

мадный“ трудъ Шницлера, слѣдовательно внесетъ новый вкладъ во французскую литературу о Россіи.

Наконецъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* полагаютъ, въ порывѣ патріотической гордости, что лестные о насъ отзывы г. Леруа Больё „можетъ-быть не что иное какъ плодъ желанія *подслужиться* Россіи“.

Еслибъ это было дѣйствительно такъ, то иностранный писатель умолчалъ бы о нашихъ недостаткахъ и о нашихъ порокахъ, а онъ указываетъ, не стѣсняясь на грубое проявленіе безстыдства въ нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ, на неряшество и неопрятность народа, на пьянство, которое распространено у насъ въ такихъ плачевныхъ размѣрахъ, и доводитъ крестьянина до состоянія животнаго. „Эти печальныя физіологическія послѣдствія, говоритъ онъ, приводятъ къ экономическимъ послѣдствіямъ, не менѣе печальнымъ; скудость пищи отвлекаетъ у русскаго крестьянина способность къ работѣ, а вмѣстѣ съ энергіей у него пропадаетъ и охота къ труду, и потребность труда“.

Мы тутъ не слышимъ голоса льстеца, не видимъ желанія *подслужиться*. Г. Леруа Больё взглянулъ безъ задней мысли и всесторонне на предметъ сво-

его изученія, и критикъ добросовѣстный признаетъ въ немъ добросовѣстнаго наблюдателя. Каждый понимаетъ по своему патріотическую гордость: мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ которые жмурятся на наши недостатки, на наши пороки, на всѣ печальныя явленія насъ окружающія, но признаемся что не дошли и не желаемъ дойти до смиренія которое не позволило бы намъ вѣрить въ искренность слова сказаннаго въ нашу пользу.

Къ г. Рамбо вышеупомянутая газета отнеслась еще строже, хотя и говоритъ что онъ хорошо знаетъ по-русски, что статья его о нашихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ „доказываетъ обстоятельное изученіе авторомъ своего предмета“, и что его легенда „не что иное какъ живо и умно разказанное содержаніе пѣсенъ и преданій о Петрѣ“.

Но въ статьи г. Рамбо вкрались погрѣшности, на которыя мы не указали выше, потому что хотѣли говорить о нихъ по поводу отзыва *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Французъ перепуталъ слова *калѣки* и *колики*, неправильно пишетъ слово *причитальщицы* и наконецъ упоминаетъ объ *Игоревскомъ* щитѣ прибитомъ къ Цареградскимъ воротамъ. Неправильно написать слово, перепу-

тать значенiе двухъ словъ такъ похожихъ одно на другое, и наконецъ приписать Игорю дѣйствiе приписанное Олегу, и которое, по всей вѣроятности не принадлежитъ ни тому ни другому,— эти промахи, которые, по нашему мнѣнiю, вполнѣ извинительны въ иностранцѣ, вызвали сильное негодованiе рецензента. Такiе *курiозы*, какъ онъ ихъ называетъ, напоминаютъ ему „увѣренiе прежнихъ французскихъ писателей что въ Россiи есть *une espèce de chien qu'on nommé sobaka*."

Исчисляя *курiозы* напоминающiе ему выходку относительно собаки, рецензентъ говоритъ: „Раскольники и Домострой, увѣряетъ онъ (г. Рамбо) своихъ читателей, представляютъ собой два направленiя одинаково враждебныя Петру Великому".

Въ этихъ словахъ мы дѣйствительно находимъ *курiозъ*, но врядъ ли онъ принадлежитъ г. Рамбо. Мало ли спорныхъ историческихъ пунктовъ, но мы были убѣждены до сихъ поръ что значенiе раскольниковъ и Домостроя не принадлежатъ къ ихъ разряду. Кому же неизвѣстно что раскольники боялись всякаго нововведенiя, что они „старовѣры" не только въ отношенiи къ религiознымъ вѣрованiямъ, но и ко всѣмъ обычаямъ

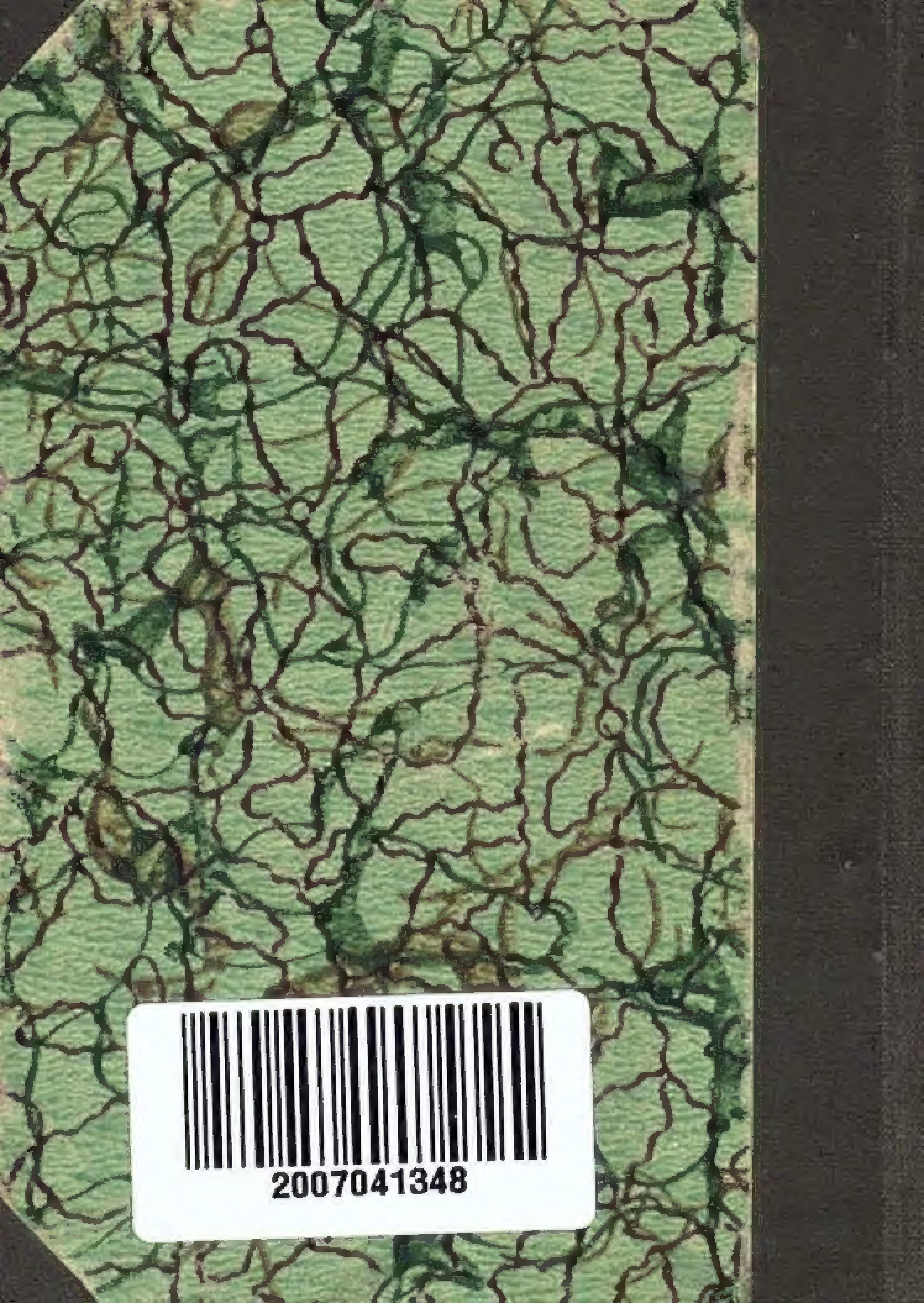
и обрядамъ, что они не прощали Петру его реформы, отказывались рѣшительно признать въ немъ потомка благочестивыхъ русскихъ царей и называли его антихристомъ? А Домострой, практическая философія старой Россіи, что же это какъ не старая русская партія съ которою Петръ боролся?

Не отъ своихъ соотечественниковъ, а отъ насъ французскіе литераторы, писавшіе о Россіи, могутъ ожидать серіозной и дѣльной критики, и трудно повѣрить что люди занимавшіеся такъ дѣятельно, такъ добросовѣстно своимъ предметомъ приняли бы безъ признательности замѣчанія которыя облегчили бы ихъ трудъ и помѣшали бы имъ впасть въ новыя погрѣшности. Но по всей вѣроятности не признательность, а совершенно иное чувство было возбуждено въ г. Леруа-Больё и г. Рамбо рецензіей с.-петербургской газеты. Надѣемся что они не позволяютъ себѣ изъ частнаго случая выводить общее заключеніе, иначе они легко объяснили бы себѣ почему на русскомъ языкѣ не переводимо слово: courtoisie.

Т. Н.

Дозволено цензурой. Москва. 25 декабря 1873 года.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

2007041348